

ЧЕЧЕНСКИЙ КАШКАН

МЕЖДУ ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ
И ГЕРОИЗМОМ

**ВОЕННАЯ
ТАЙНА**

ИГОРЬ ПРОКОПЕНКО

Военная тайна с Игорем Прокопенко

Игорь Прокопенко

**Чеченский капкан: между
предательством и героизмом**

«ЭКСМО»

2012

Прокопенко И. С.

Чеченский капкан: между предательством и героизмом /
И. С. Прокопенко — «Эксмо», 2012 — (Военная тайна с Игорем Прокопенко)

ISBN 978-5-699-56277-0

Игорь Прокопенко в своей книге приводит ранее неизвестные документальные факты и свидетельства участников и очевидцев Чеченской войны. Автор заставляет по-новому взглянуть на трагические события той войны.

Почему с нашей страной случилась такая страшная трагедия? Почему государством было сделано столько ошибок? Почему по масштабам глупости, предательства, коррупции и цинизма эта война не имела себе равных?

Главными героями в той войне, по мнению автора, стали простые солдаты и офицеры, которые брали на себя ответственность за принимаемые решения, нарушая устав, а иногда и приказы высших военных чинов. Военный журналист раскрывает тайные пружины той трагедии, в которой главную роль сыграли предательство «кремлевской знати», безграмотность и трусость высшего эшелона. Почему так важно знать правду о Чеченской войне? Ответ вы узнаете из этой книги...

ISBN 978-5-699-56277-0

© Прокопенко И. С., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Игорь Прокопенко

Чеченский капкан: между предательством и героизмом

Посвящается всем павшим в Чеченской войне

Фото автора на обложке Д. Каманина

Фото для оформления книги предоставлены ООО «Телекомпания «ФОРМАТ ТВ»

В коллаже на обложке использована фотография: Владимир Вяткин / РИА Новости

Предисловие

Я прилетел в Моздок 27 декабря вместе с группой спецназа. Разведчики молча погрузились в «Урал» и укатили куда-то в ночь, а нас с напарником повели через множество постов в самую охраняемую зону, где в нескольких железнодорожных вагонах располагался Штаб группировки федеральных сил.

Задача, которую нам поставили, была простой – вместе с передовыми частями предписывалось войти в Грозный и работать в качестве тележурналистов, пока в запретную зону не будут допущены гражданские лица... Почему-то предполагалось, что город будет взят быстро и без серьезного сопротивления.

Мы сдали наши удостоверения личности. Взамен нам выдали бумагу, на которой глава временной администрации Чеченской Республики написал от руки: «...Всем сотрудникам ГРУ, ФСК, МВД, МО оказывать обладателям сего всяческую помощь и содействие ...» «Это на всякий случай», – сказал он, скрепляя бумагу печатью.

«...Ну да, на тот случай, если мы без документов и в гражданской одежде окажемся у боевиков», – невесело подумал я, пряча подальше эту магическую и опасную бумажку.

Потом нас отвели поесть. В вагоне-ресторане, который располагался здесь же, ужинали несколько пожилых генералов. Официантки в накрахмаленных передничках разносили борщ, мурлыкал радиоприемник, покачивались подвешенные на нитках бумажные конфетти, а над барной стойкой красовался плакат, поздравлявший с Новым, 1995 годом...

В эти минуты тысячи солдат и офицеров, собранные из самых разных войск и округов, утопая по пояс в чеченской грязи, выгружали боевую технику, которая, лет двадцать простояв на хранении, не хотела заводиться. Ругали руководство за неподготовленность операции. И ждали, чтобы хоть кто-то объяснил, кто и кем здесь командует. В штабном же вагоне-ресторане было тихо, уютно и по-домашнему. В ту предновогоднюю ночь невозможно было даже представить, каким кошмаром обернется этот новый год...

Рано утром мы вылетели в район селения Толстой Юрт, откуда и двинулись на Грозный. В Толстом Юрте я и оказался тринадцатого января.

...Доктор кольнул меня какой-то хренью, и, пошатываясь, я вышел из медицинской палатки. «Этого в тыл!» – кивнув на меня, крикнул он кому-то. Мысли путались. Что было?.. Было, во-первых, то, что сегодня я умудрился послать на три буквы главного «идеолога» Вооруженных сил, вспомнил я... Оборванные, грязные, почти ничего не соображающие, утром, выбравшись из Грозного, мы предстали перед генерал-полковником, облаченным в новенький бушлат без погон, который начал учить нас патриотизму...

Была страшная окопная болезнь, когда невозможно заставить себя выйти на открытое пространство, потому что кажется, что за каждым углом сидит снайпер...

Было окровавленное тело полковника Житаренко, который в новогоднюю ночь был рядом с нами. Мы тащили его труп и никак не могли поверить, что он уже мертв...

Был настоящий огненный ад, когда вокруг все плавилось и рвалось, и истошный крик в эфире солдатика-радиста: «Янтарь, я – Каскад... духи окружают... командир убит... что делать – не знаю...»

Я тоже не знал, что делать. Потому, что солдатик этот кричал из соседней машины, а еще потому, что Янтарь лежал рядом со мной без признаков жизни...

...Ноги не держали. Я присел рядом с медицинской палаткой и вдруг понял, что сижу на трупе... У мертвого парня были капитанские погоны, светлые волосы и голубые глаза, которые неподвижно смотрели в небо. Я вскочил и вдруг увидел, что вокруг медицинской палатки десятки трупов солдат и офицеров. Их привозили, увозили, и эта деловитая суeta была за гранью разумного...

«За что?! – спрашивал я сам себя. – За что погиб этот голубоглазый капитан?» Никогда в жизни я не испытывал такого страшного чувства несправедливости, как тогда у той медицинской платки.

...Такой же парень, как я, лежит сейчас с дыркой в груди, а генерал-двоечник, что послал его на бессмысленную смерть, пойдет кушать борщ в вагон-ресторан со снежинками... Советники, чиновники, олигархи, насоветовавшие Ельцину эту войну, закроют кабинеты и разъедутся по своим рублевским дачам. Московские улицы будут гудеть рождественским весельем, «братки» в малиновых пиджаках ближе к вечеру выйдут на свои «стрелки». А погибших парней, которых, как дрова, погрузят сейчас в «труповозки» и отправят домой в цинковых гробах, не вернуть... И вопрос – за что они погибли – ответа не имел...

Книга, которую вы сейчас держите в руках, результат многолетней работы большого количества журналистов программы «Военная тайна», которые вместе со мной пытались ответить на вопрос, почему с нашей страной случилась страшная трагедия под названием «Чеченская война»? Почему государством было сделано столько ошибок? Почему по масштабам глупости, предательства, коррупции и цинизма эта война не имела себе равных? Причем я убежден, что не только в российской, но и в мировой истории.

Эта книга строго документальна. Она охватывает период с момента, когда brave советского генерала Джохара Дудаева Москва решила сделать лидером Чечни, и до момента, когда с ее территории ушел последний солдат федеральных сил.

Мы перевернули килограммы документов. С самого начала мы решили, что у нас не будет политиков, аналитиков и других «кабинетных грамотеев». Только непосредственные участники и очевидцы тех трагических событий. Солдаты и офицеры, сотрудники спецслужб и мирные жители. Генералы, начиная от Павла Грачева и всех его заместителей, и бывшие члены незаконных бандформирований. Каждый рассказывал свою правду. Порой она была горькой, порой циничной, порой бесхитростной.

Эта книга – дань всем павшим на этой войне.

Вечная память тем, кто погиб, попав в чудовищные жернова этой бесславной истории.

Долгих лет тем, кто выжил.

И вечная слава героям.

Тем, кто стоял насмерть и не запятнал великое имя русского солдата!

И. Прокопенко

Глава 1

Заговор

...Звено российских штурмовиков четко выполнило боевую задачу. Вылетев с аэродрома в Моздоке, они взяли курс на горную Чечню. Когда был запеленгован сигнал спутникового телефона, была дана команда «пуск», и ракета ушла в цель.

А целью был кортеж первого президента «Республики Ичкерия» **Джохара Дудаева**. Операция, которую в глубокой тайне и во всех деталях прорабатывали российские спецслужбы, завершилась.

От автомобиля президента мало что осталось. Сам Дудаев был убит.

Правда, однозначных доказательств его гибели нет. Есть кадры, снятые любительской камерой, на которых виден чей-то труп, якобы вынесенный с места бомбардировки. Но действительно ли это тело погибшего Дудаева?

Не случайно вскоре распространились слухи о бегстве Дудаева за границу. Однако сами приближенные первого президента непризнанной республики их не поддерживали, и слухи быстро сошли на нет. Но вся история с его устранением обросла множеством версий и недоговоренностей.

Кто же такой был **Джохар Дудаев**? Как он оказался во главе Чечни? И почему российские спецслужбы так стремились его уничтожить?

Передо мной фотография бравого офицера в форме летчика. Это Дудаев. Таким его запомнили сослуживцы военных гарнизонов, где проходила жизнь будущего генерала. Многие тогда и помыслить не могли, какой путь уготован этому боевому офицеру, коммунисту, прошедшему войну в Афганистане.

Джохар Дудаев

Начало 90-х, закат перестройки Джохар Дудаев встретил в Прибалтике, где командовал дивизией стратегических бомбардировщиков и местным гарнизоном в эстонском городе Тарту.

Офицер, каких тысячи. Звезд с неба не хватало, особыми талантами не отличался. Правда, именно в этот период что-то в нем начало меняться. И это не ускользнуло от внимания сослуживцев и соседей по дому, где жила семья Дудаева.

Вот что мне рассказал **Виктор Карнаухов** – он был **штурманом самолета Дудаева**, когда тот командовал 326-й дивизией Дальней авиации.

«Когда начался распад государства, заканчивалась советская эра, я заметил, что возле дома, где жила семья Дудаевых, стали появляться люди кавказской национальности, чеченцы. Как правило, это были два-три человека. То, что называется аксакалы, пожилые люди. Я видел, как они вместе с Дудаевым садились в «Волгу» и уезжали. У нас лётный профилакторий тут недалеко, и вот они ехали туда. Там беседовали».

Тем временем в Чечне уже окончательно зашаталась советская власть, подняли головы националисты и республику охватила волна митингов. Стало ясно: новым чеченским демократам нужен символ и лидер, национальный герой. Свита уже ждала его возле пустующего трона.

Я нашел человека, который хорошо знал Дудаева в те годы. Это **Марьям Вахидова**. В начале 1990-х она вернулась в Чечню из Казахстана, занималась общественной работой. Ее активная деятельность была отмечена Дудаевым, и вскоре она стала его **личным пресс-секретарем**. Находилась на этом посту в 1991–1994 годах.

Вот что мне рассказала **Марьям Вахидова**:

«Когда встал вопрос, кто может возглавить общественное движение в Чечне, я вспомнила Джохара и сказала, что только он может от начала и до конца пройти этот путь. И что надо поехать за этим генералом».

Экспромта здесь не было. Появление в Грозном Дудаева готовилось загодя и не афишировалось. Эмиссарам из Чечни не пришлось его долго испытывать на лояльность Москве. К этому времени Дудаев уже успел прослыть в Эстонии «мятежным генералом». Он отказался выполнить приказ Москвы о блокировании телевидения и парламента во время известных событий в Вильнюсе и Риге.

В январе 1991 года советские войска захватили телецентр в Вильнюсе, оттеснив при этом толпу защитников телецентра. В этих событиях погибли люди. В Риге произошел конфликт с участием рижского ОМОНа.

Однако все это была лишь репетиция. Главные события должны были произойти в Чечне, которая уже затаилась в предчувствии схватки за независимость. Дудаев понял это. А может, ему помогли это понять; теперь это уже неважно. Важно то, что уже начался отсчет времени до того момента, как Чечня взорвалась войной.

Весна 1991 года. Грозный. В это время здесь происходят события, о которых не любят вспоминать в Кремле. Мало кто знает о том, что весной 1990 года **Борис Ельцин** приехал в Грозный.

О событиях тех дней мне рассказал **Абдулбек Даудов**. В 1990–1991 годах он был **первым заместителем министра внутренних дел Чечено-Ингушской АССР**. После разгрома ГКЧП на короткий срок был назначен исполняющим обязанности министра внутренних дел автономной республики. Несмотря на предложения Дудаева занять прежний пост, отказался и ушел в оппозицию. После расстрела митинга оппозиции в июне 1993 года был объявлен Дудаевым государственным преступником и заочно приговорен к смертной казни.

«В марте, как мне помнится, в республику прибыл **Борис Николаевич Ельцин** вместе с **Виктором Павловичем Баранниковым**, который опередил Ельцина на сутки, и **Андреем Федоровичем Дунаевым**, – рассказывает Даудов. – Тогда Ельцин прямо спросил у Председателя Верховного Совета Чечено-Ингушетии **Доку Завгаева**: «Вы в составе России или нет?» Ясного ответа он не получил».

Завгаев еще не знал, к какому лагерю примкнуть. Это была его ошибка. Ельцин ошибок не прощал.

Доктор исторических наук, профессор Джабраил Гакаев стоял у истоков создания общественной организации «Объединенный Конгресс чеченского народа». Являлся дальним родственником Дудаева. После прихода к власти национал-радикалов во главе с Дудаевым покинул Конгресс и ушел в оппозицию.

Я встретился с **Джабраилом Гакаевым, членом ОКЧН в 1991 году**. Вот что он мне рассказал:

«В честь приезда Ельцина был дан прием. Меня на этом приеме не было, но мне подробно рассказывали обо всем, что там произошло. Прием давал первый секретарь обкома, тогда **Председатель Верховного Совета республики Доку Завгаев**. Хотя Ельцин пробыл в Грозном всего несколько часов, он в том числе был и на этом фуршете. И там практически был дан карт-бланш, скажем так, тем процессам, которые вскоре начались в Чечне. По крайней мере, Ельцин заверил Завгаева, что никто не выступает против суверенитета Чеченской Республики. В то время, оказываясь в очередной этнической среде, Ельцин, так сказать, выдавал целую гору обещаний, которые должны были потraфить этой этнической группе. Тогда сначала в Татарстане, а потом в соседней с Чечней Назрани Ельцин бросил в толпу: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Он, скорее всего, еще не предполагал, какого джина выпустил из бутылки».

Но это было не просто опрометчивое заявление. Ельцин знал, о чем говорил. Руководство России, в пик руководства СССР, решило разыграть эту козырную национальную карту.

12 июня 1991 года **Борис Ельцин** становится президентом России. Примерно в это же время на съезде чеченского народа Дудаева избирают Председателем Объединенного Конгресса чеченского народа (ОКЧН).

В те дни Дудаев заявлял:

«Мы планируем расширить связи с Россией, основываясь на доброй воле народа. Они могут быть намного полезнее не только нам, но и России».

Правда, на этом же съезде было заявлено, что Чечня теперь называется Чеченская республика Нохчийчо (Ичкерия) и не входит ни в состав Советского Союза, ни в состав России.

События в Грозном начинают приобретать свою внутреннюю логику. Дудаев тем временем, не без помощи извне, начинает концентрировать в своих руках все большую власть. Он знает, как играть на противоречиях между Ельциным и Горбачевым, Хасбулатовым и Завгаевым. Выступления его становятся жестче, а амбиции больше. Это уже другой Дудаев.

О событиях тех дней я беседовал с **Бадруди Джамалхановым**. В 1990–1991 годах он был **председателем Шалинского райисполкома**. Позже в оппозиционном режиму Дудаева Временном Совете занимал пост вице-премьера.

«Я слышал выступление Дудаева в те дни. Он выступает и рублеными фразами говорит: «Мы должны отстоять свое право на независимость! 200 лет у нас шла война за независимость. 200 лет угнетает нас империя. Эта империя должна быть сметена с лица земли. Мы должны отделиться. При этом нельзя забывать о том, что у России, у Советского Союза есть ядерное оружие, которым они должны с нами поделиться». Собравшимся это очень понравилось, и раздались бурные аплодисменты».

Москва, кажется, не замечает таких заявлений Дудаева. Там идет своя междоусобная война. В стране два президента, два центра власти – и полное безвластие. Советский Союз доживает свои последние дни.

В то утро, 19 августа 1991 года, все мы проснулись уже в другой стране. ГКЧП, путч... Но путч провалился. Ельцин победил, а счастливое освобождение Горбачева превращается в его же публичное унижение.

По-другому дела обстоят в Чечне. «Сейчас или никогда!» – считают лидеры националистов. Близкое окружение Дудаева начинает все громче заявлять о своих намерениях. Среди самых активных – **Зелимхан Яндарбиев**.

В советское время этот человек был несостоявшимся писателем. В Грозном живет с 1989 года. Основатель националистической партии, ярый сторонник Дудаева, вел его банковские счета за границей. Позднее он выпускник Исламского университета в Каире, сторонник экстремистского ислама. С 2000 года проживал в Катаре на положении беженца, объявлен в розыск Интерполом. В 2004 году погиб в результате теракта.

Яндарбиев ведет себя активнее других. Его линия – никаких компромиссов. Если депутаты Верховного Совета республики старого созыва не уйдут, они будут уничтожены. Окружение Дудаева знает, как работать с толпой. Сценарий отработан, роли расписаны.

Зелимхан Яндарбиев

Рассказывает **Бадруди Джамалханов**:

«Приезжаю в город Грозный. Смотрю, напротив выхода из здания, в котором тогда располагалось правительство Чечено-Ингушской Республики, стоит толпа. Различные ораторы ратуют за немедленное разоружение милиции, КГБ и всех прочих силовых ведомств. Был и **Удугов** там, и **Яндарбиев** присутствовал. А потом, где-то часа в 3 ночи, появился и Дудаев. Дудаев с ходу заявил: «Я знаю, что за нами следят снайперы со всех крыш, они готовы выстрелить. Если раздастся хоть один выстрел и прольется капля крови, то мы адекватным ударом уничтожим всех, кто находится в Верховном Совете».

Такое развитие ситуации Центр, как ни странно, вполне устраивало.

Говорит член ОКЧН в 1991 году **Джабраил Гакаев**:

«Была специальная телефонограмма из Москвы о том, что ни в коем случае не надо разгонять этот митинг, который проходил на площади (а он шел целый месяц), ни в коем случае не трогать ни Дудаева, ни Яндарбиева, ни **Юсупа Сосламбекова**, что это демократы, что они там делают нужную и полезную работу».

Через 10 дней после провала путча в Москве в Грозном сторонниками Дудаева уже взяты под контроль телецентр, Дом радио и другие объекты. Наконец и до Москвы докатилось: пора на месте выяснить, что происходит в Чечне. Ведь по замыслу кремлевских радикалов именно Чечня должна стать тем полигоном, где будут оттачиваться технологии смещения старой партийной советской номенклатуры. В Грозный приезжает делегация во главе с **Геннадием Бурбулисом**.

Геннадий Эдуардович Бурбулис – земляк **Бориса Николаевича Ельцина**, выпускник философского факультета Уральского университета. В разные годы трудился в Свердловской области на разных должностях. В 1991 году руководил избирательной кампанией Бориса Ельцина на выборах президента Российской Федерации. Стремительный взлет на пост государственного секретаря Российской Федерации, по сути, ставит Бурбулиса на место второго человека в стране.

Геннадий Бурбулис

Бурбулис приехал в Грозный не один: его сопровождает **министр печати и информации Михаил Полторанин**. Бурбулис и Полторанин – это самые близкие к Ельцину люди, серые кардиналы, идеологи и начинатели многих громких дел.

А Дудаева что-то гнетет. Преувеличением было бы сказать, что Дудаев, как говорят разведчики, работал под контролем, хотя было похоже, что у него чем-то или кем-то связаны руки. И об этом хорошо помнят очевидцы тех событий.

Во время нашей встречи **Джабраил Гакаев** вспомнил вот какой эпизод:

«Мы с Дудаевым из одного района, мои двоюродные братья связаны узами родства с его двоюродными братьями, то есть мы являемся родственниками. И вот меня попросили сходить к Дудаеву и попросить его не делать этот силовой захват власти.

И вот мы с ним сидим – очень близко сидели, – и я в его глазах увидел безысходность. Он меня слушал и не нашел практически ни одного аргумента против того, что я говорил, но он мне давал всем своим видом, глазами давал понять, что он не волен распоряжаться собой».

Действительно, Дудаев был не волен распоряжаться собой. Бурбулис, имея особые полномочия на переговорах с Дудаевым, предпочитал говорить с ним наедине. Тема их бесед в этот же день докладывалась Ельцину.

Рассказывает бывший **первый заместитель министра внутренних дел Чечено-Ингушской АССР Абдулбек Даудов**:

«То, что он буквально через сутки, через двое постоянно докладывал о развитии ситуации Ельцину, это абсолютно точно, потому что он сам говорил, что «мне нужно доложить Верховному». Я ставил своей целью задержание Дудаева, Гантамирова, Сосламбекова и Яндарбиева. И я обратился к Бурбулису: «Геннадий Эдуардович, я полагаю, что, видимо, вы зашли в тупик в развязывании чеченского узла». Мне было сказано категорически: «Абдулбек Валиевич, это политические процессы, и я здесь делегирован Ельциным разрубить этот политический узел. Никаких силовых операций, пока я здесь, проводить вы не можете».

Виктор Иваненко

Такой же ответ из Москвы получил и **Председатель КГБ Чечено-Ингушетии Игорь Кочубей**, когда 6 сентября толпа ринулась на захват здания Госбезопасности. Удивляет то, с какой подозрительной легкостью в их руки перешло все – оружие и архивы КГБ. Может, потому что накануне захвата, как утверждают, в Грозный инкогнито пожаловал **шеф КГБ РСФСР Виктор Иваненко**.

Во время нашей встречи бывший пресс-секретарь Джохара Дудаева **Марьям Вахидова** рассказала следующее:

«Не было никакого штурма здания КГБ. Кто-то позвонил из Москвы в грозненское Управление КГБ и сказал: «Ключи на стол, сейчас к вам придут люди, ключи на стол и уходите». Потом, когда Джохар узнал, что из здания КГБ не все архивы вывезены, что большая часть осталась, он послал Гантамирова и сказал: «Возьми этот объект под свой контроль».

Бислан Сайдалиевич Гантамиров родился в 1963 году в селе Гехи Урус-Мартановского района Чечено-Ингушетии. По образованию юрист, окончил Ставропольский филиал Всесоюзного юридического заочного института. В 1984 – 1987 годах работал в органах МВД. В 1991-м вместе с Басаевым участвовал в разгоне республиканских органов власти. После переворота в ноябре 1991-го назначен Дудаевым **мэром Грозного и командующим национальной гвардией**. С 1993 года в оппозиции. В первую чеченскую кампанию отвечал за распределение выделяемых из Москвы средств на восстановление Чечни. В мае 1996 года арестован по подозрению в хищении этих средств в особо крупных размерах. Но уже накануне второй чеченской кампании освобожден из-под стражи по решению Ельцина.

Именно Гантамиров со стороны Дудаева обеспечивал безопасность Бурбулиса во время приезда последнего в Чечню.

О том, в какой накаленной обстановке проходили переговоры между Дудаевым и Бурбулисом, вспоминает человек, отвечавший за безопасность Бурбулиса по указанию МВД.

Рассказывает **бывший первый заместитель министра внутренних дел Чечено-Ингушской АССР Абдулбек Даудов**:

«И вдруг Бурбулиса как бы осенило что-то, у него какая-то мысль возникла, и он просит нас всех выйти. Выходят из кабинета буквально все, и даже охрана. Я противлюсь, я говорю Бурбулису: «Геннадий Эдуардович, я не могу оставлять вас, потому что здесь есть запасная дверь, вторая дверь, и я не знаю, что с вами будет через 5 минут. А я человек военный, я исполняю приказы». Он мне улыбается и говорит: «Бек, не беспокойся, идите и ждите, это не затянется». И так оно и получилось. Вышли все, и они остались с Джохаром Дудаевым где-то часа на полтора».

В Москву на доклад к Ельцину о событиях в Чечне Бурбулис приехал с готовым решением. А заключалось оно вот в чем. В качестве единственной кандидатуры на роль преемника Председателя Верховного Совета Чечено-Ингушетии Доку Завгаева был предложен **Джохар Дудаев**. Это подтверждает и второй член делегации, министр печати и будущий хозяин всех кремлевских партийных архивов **Михаил Полторанин**.

Я встретился с **Михаилом Полтораниным**, и он, по сути, подтвердил слова Даудова. Полторанин заявил:

«Нас послал Борис Николаевич Ельцин с Бурбулисом. Мы приехали туда, проводили переговоры с Дудаевым, и в результате этих переговоров для меня стало ясно, что Дудаев готов пойти работать под президента».

Абдулбек Даудов продолжает свой рассказ:

«Полторанин был правой рукой Бурбулиса. Полторанин вместе с ним, насколько мне известно, расписывал механизм прихода Дудаева к власти. Полторанин и Бурбулис, которые крайне неприязненно относились к бывшему председателю Верховного Совета России **Руслану Хасбулатову**, может быть, даже где-то в пику желанию Хасбулатова, на мой взгляд, и сделали этот сценарий, который привел Дудаева к власти».

8 октября Дудаев с молчаливого согласия Москвы разгоняет Верховный Совет Чечено-Ингушетии. Начинают всё четче проступать контуры той власти, которую бывший генерал стремится установить в Чечне: режима личной власти.

В результате выборов 27 октября Дудаев становится президентом и объявляет о государственном суверенитете Чечни. В движение приведены горные тейпы – самая взрывоопасная

часть Чечни. На бывшей площади имени Ленина, теперь площади шейха Мансура, чеченцы истопленно круглые сутки танцуют воинственный танец зикр.

У К А З

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике

Резкое обострение обстановки в Чечено-Ингушской Республике, вызванное незаконными действиями исполкома Общенационального конгресса чеченского народа и его лидеров, стремящихся путем организации массовых беспорядков, с применением насилия, отстранить от власти законно действующие государственные органы, создает реальную угрозу безопасности граждан и конституционному строю республики.

Предпринятые Верховным Советом РСФСР и Правительством РСФСР действия по стабилизации обстановки в Чечено-Ингушской Республике, ввиду активного противодействия Д.Дудаева и его группы, не привели к желаемым результатам.

Исполком Общенационального конгресса чеченского народа и его лидеры не выполнили представленные в соответствии со статьей 7 Закона РСФСР "О чрезвычайном положении" требования Президента РСФСР о прекращении противоправных действий.

В этих условиях устранение противоправных насильственных действий становится невозможным без применения чрезвычайных мер.

В целях пресечения массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, прекращения деятельности незаконных вооруженных формирований, в интересах обеспечения безопасности граждан и охраны конституционного строя республики, руководствуясь пунктом 12 статьи 121-5 Конституции РСФСР, в соответствии с Законом РСФСР "О чрезвычайном положении", постановляю:

2.

1. Ввести с 5 часов 00 минут 9 ноября 1991 г. до 5 часов 00 минут 9 декабря 1991 г. чрезвычайное положение на всей территории Чечено-Ингушской Республики.

2. Ввести в соответствии со статьями 15, 16, 17 Закона РСФСР "О чрезвычайном положении" на территории Чечено-Ингушской Республики в качестве особой формы управления Временную администрацию Чечено-Ингушской Республики.

Назначить Представителя Президента РСФСР в Чечено-Ингушской Республике Арсанова А.Б. Главой Временной администрации, заместителем Главы Временной администрации-Министра внутренних дел генерал-майора Ибрагимова В.М. и поручить им сформировать в 3-дневный срок Временную администрацию Чечено-Ингушской Республики.

Приказы и распоряжения Временной администрации Чечено-Ингушской Республики и ее Главы, изданные в соответствии с Законом РСФСР "О чрезвычайном положении" и настоящим Указом, обязательны для исполнения всеми государственными и общественными органами, организациями, учреждениями, предприятиями и гражданами на территории Чечено-Ингушской Республики.

3. На период чрезвычайного положения:

- а) запретить проведение митингов, уличных шествий и демонстраций, а также иных массовых мероприятий;
- б) запретить проведение забастовок;
- в) провести временное изъятие у граждан, предприятий и организаций огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов, ядовитых и взрывчатых веществ, а также временно изъять у предприятий и организаций радиоактивные вещества и учебную военную технику.

4. На период чрезвычайного положения Временной администрации Чечено-Ингушской Республики установить:

- а) особый режим въезда и выезда, а также особый порядок передвижения в зоне чрезвычайного положения, включающий досмотр транспортных средств;
- б) усиленную охрану общественного порядка и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения;
- в) приостановление после предварительного предупреждения деятельности общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки;

3.

г) проверку документов в местах скопления граждан, а в исключительных случаях, при имеющихся данных о наличии у граждан оружия, личный досмотр вещей, лиц и транспортных средств;

д) выдворение нарушителей общественного порядка, не являющихся жителями данной местности, к месту их постоянного проживания или за пределы территории Чечено-Ингушской Республики за их счет.

5. Ввести с 5 часов 00 минут 9 ноября 1991 г. комендантский час. Граждане, нарушающие правила комендантского часа, задерживаются силами охраны правопорядка до окончания комендантского часа, а лица, не имеющие при себе документов, - до установления их личности, но не более чем на трое суток; задержанные лица и находящиеся при них вещи могут быть подвергнуты досмотру.

6. В соответствии со статьей 38 Закона РСФСР "О чрезвычайном положении" выборы органов государственной власти и местного самоуправления в течение всего периода чрезвычайного положения не проводятся.

7. Все государственные органы, предприятия, учреждения, общественные организации и граждане Чечено-Ингушской Республики обязаны оказывать всемерную поддержку государственным органам и выполнять их обязательные распоряжения.

Невыполнение распоряжений и приказов влечет ответственность, установленную Законом РСФСР "О чрезвычайном положении".

8. Совету Министров РСФСР до 11 ноября 1991 г. определить порядок финансирования мероприятий, предусмотренных режимом чрезвычайного положения.

9. Министру внутренних дел РСФСР и Председателю КГБ РСФСР до 9 ноября 1991 г. представить предложения о привлечении дополнительных сил и средств органов МВД и КГБ в зону чрезвычайного положения.

10. Соповестить население Чечено-Ингушской Республики о введении чрезвычайного положения не позднее 23 часов 00 минут 8 ноября 1991 года.

Президент РСФСР Б.Ельцин

Москва, Кремль

7 ноября 1991 года

№ 178

Текст Указа №178 Президента РФ от 7 ноября 1991 года

Так с подачи и под бдительной опекой Кремля Дудаев пришел к власти. Из соображений сиюминутной политической выгоды российское руководство позволило укрепить опаснейшему врагу – чеченскому радикальному национализму. И только теперь в Кремле поняли, что в Грозном ситуация выходит из-под контроля. И всполошились не на шутку.

Выборы в Чечне признаются недействительными. Спешно готовится указ о введении в Чечне чрезвычайного положения. 7 ноября Ельцин наконец-то подписывает его.

В этот же день в Чечне объявляется поголовная мобилизация. Намеренно распушен слух о якобы готовящейся новой депортации чеченцев.

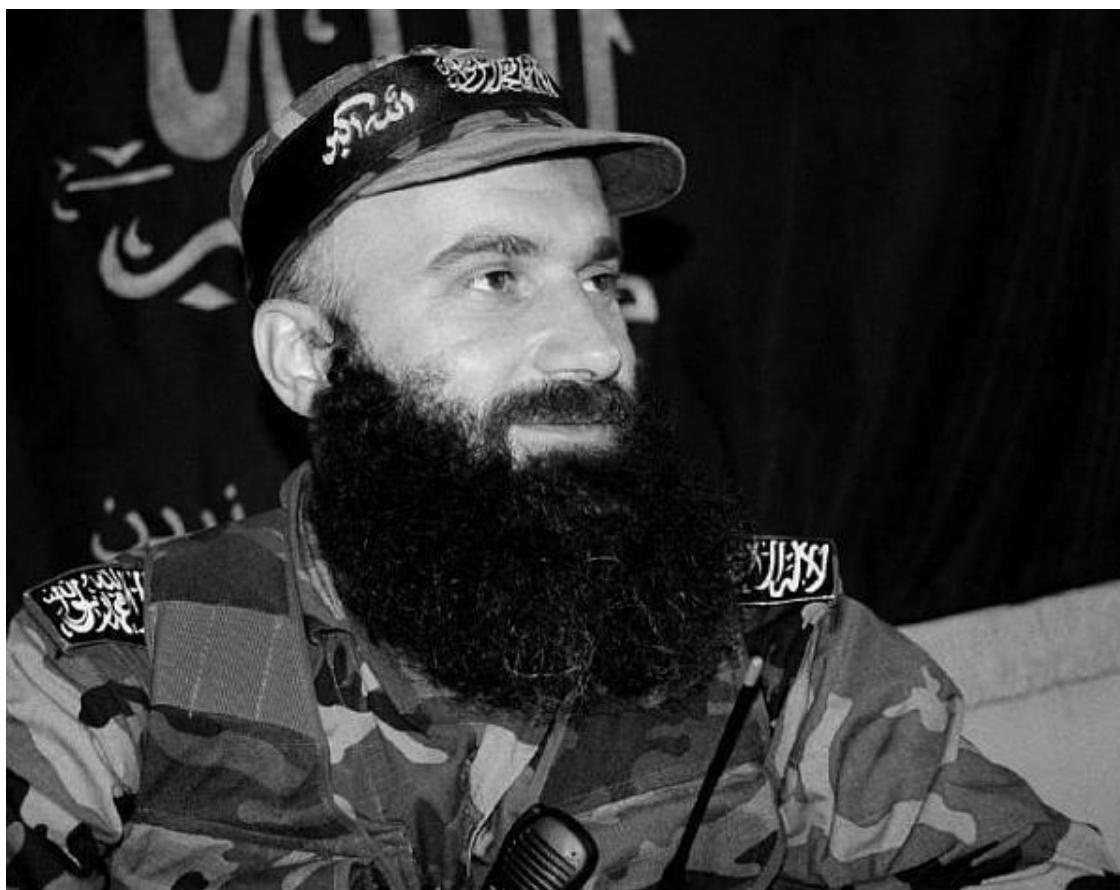
Из Москвы в Грозный вылетает спецназ. 300 бойцов отряда «Витязь», после спешных сборов, уже в самолете, фактически на подлете к Чечне, получили приказ – локализовать стихию толпы, а самое главное, захватить оружие и архивы КГБ. А позже сообщили, что, возможно, придется еще арестовывать Дудаева.

Но как только самолеты садятся в Ханкале, их уже на взлетно-посадочной полосе блокируют грузовики. Отметим примечательный факт: при себе у бойцов «Витязя» только легкое стрелковое оружие. Все прочее вооружение шло другим бортом, который сел на другом аэродроме. Странная операция, не правда ли?

Уже 9 ноября ни с чем спецназовцы уносят ноги обратно в Москву. Шанс локализовать кризис был окончательно упущен. Российское руководство совершило еще одну непростительную ошибку: оно показало сепаратистам свою слабость. В один день рейтинг Дудаева в Чечне подскочил до невероятных высот. Отныне он национальный герой.

Вот что говорил в те дни сам **Джохар Дудаев**:

«Лучше умереть, чем лишиться свободы. Жизнь и смерть – это совершенно естественные явления, поэтому я не чувствую никакого страха перед смертью, никакого».

Шамиль Басаев

В тот самый день, когда отряд «Витязь» ни с чем возвращался из Грозного в Москву, в Минводах три чеченских террориста захватывают самолет ТУ-154. Рейс «Минеральные Воды

– Екатеринбург» со 170 пассажирами на борту берет курс на Турцию и через час приземляется в Анкаре. Ни о какой выдаче угонщиков Турция и слышать не хочет.

Дав пресс-конференцию об информационной блокаде вокруг Чечни, террористы вместе с заложниками в тот же вечер прилетели в Грозный. По трапу в числе прочих спустился не кто иной, как **Шамиль Басаев**. Террористов уже встречали, как национальных героев.

Шамиль Салманович Басаев родился в 1965 году в селе Дышне-Ведено Веденского района Чечни. Его предками были русские, принятые в чеченскую общину. После школы работал разнорабочим в Волгоградской области. Служил в армии в частях аэродромного обслуживания. Трижды пытался поступить на юридический факультет МГУ, но всякий раз проваливался на экзаменах. В 1987-м поступил в Московский институт инженеров землеустройства, но спустя год был отчислен.

Ему больше нравилась карьера боевика. Летом 1991 года он создает в Грозном вооруженную группу «Ведено». Воюет в Карабахе на стороне Азербайджана, затем в Абхазии, где входит в контакт с представителями российских спецслужб. Весной 1995-го захватывает роддом в Будённовске, за что получил прозвище «Гинеколог». В результате этой операции боевые действия в Чечне были приостановлены. Тем самым Басаев спас карьеру Дудаева. Хотя еще в декабре 1994-го, перед вводом войск, Басаев предлагал российскому командованию сдать Дудаева.

Захват самолета в Минводах стал началом большой террористической войны, которую позже, всего через два года, чеченские боевики развяжут с другим размахом, но с похожими целями.

Летом 1994-го серия подобных захватов самолетов в Минводах произойдет по одному трагическому сценарию, с пугающей регулярностью, в последний четверг каждого месяца.

Вот какие задачи ставил осенью 1991 года генерал **Дудаев**:

«Сотни тысяч чеченцев, которые живут в России, должны стать сотнями тысяч солдат в защиту интересов чеченской нации и объявить газават. Каждый чеченец должен быть смертником. А уязвимых мест много – тысячи человек достаточно, чтобы Россию перевернуть и стереть в ядерной катастрофе».

Как-то невероятно быстро внутренние разборки в Чечне переросли в антироссийские выступления с призывами к неизбежной войне с Москвой. Продайте последнюю корову, машину, дом и купите оружие, говорят чеченцам сепаратисты. Отныне оружие и деньги становятся самым большим проклятием Чечни.

И в это же время разворачивается геноцид русских, которым уже не место в «республике Нохчийчо». Даже если предки этих русских жили здесь веками. За время правления Дудаева с 1991 по 1995 год из Чечни выехало свыше трехсот тысяч русских беженцев. Крики о помощи людей, оставшихся в Чечне, в Москве не слышат.

Я разыскал некоторых из этих людей. Вот что мне рассказал **Алексей**, бывший житель Грозного:

«Я занимался на стадионе «Динамо», когда начались эти митинги. И я своими глазами видел плакат: «Русские, не уезжайте отсюда, нам нужны рабы и проститутки». Вот их же кто-то на это надоумил! Кто-то сказал: надо такой плакат большими буквами написать. Это было запугивание русскоязычного населения. В это время как раз это запугивание и началось. Чеченцы все говорили, и даже наши соседи по дому говорили: «Уезжайте лучше, иначе вас здесь просто всех вырежут».

А тем временем жители республики спешно вооружаются. **Анатолий Белясов, фотокорреспондент «Комсомольской правды»**, в 1991 году находился в Чечне. В беседе со мной он вспоминал те дни:

«В Чечне в 1992 году был полный беспредел. Все ходили с автоматами, все с оружием, процветала торговля оружием. Вот как на рынок вы идете за фруктами, вот так же вы приходите

на базар, покупаете автомат. Тут же покупатель отходит к оврагу и начинает проверять автомат: та-та-та-та. Все, бьет нормально, по рукам, пошли. Мне понравилось объявление, которое там висело: «Продается вертолет, 50 миллионов, БТР, «стечкин»... За «стечкина» машину давали».

Кажется, обороняться здесь собираются все против всех. Однако это оружие еще не стреляет в спину наших парней. Рядовые чеченцы, когда я их спрашивал, зачем им оружие, обычно отвечали так: «Вокруг нападения делают, убивают, воруют, так что без оружия у нас нельзя. Сейчас время такое – без автомата не проедешь до дома».

Получив моральную поддержку, Чечня медленно и бесповоротно вползает в преступный беспредел. Об этом уже не хотят вспоминать в московских кабинетах, но ведь именно на это время приходится баснословные махинации с нефтью. Тогда только за первые три года в Чечне под покровительством высоких чиновников из Центра пропали 25 миллиардов нефтедолларов.

Свидетельствует **бывший первый заместитель министра внутренних дел Чечено-Ингушской АССР Абдулбек Даудов**:

«За три с половиной года сколько нефти продали! И куда все улетело? Ни одной дороги нет, ничего нет. Нефть регулярно в республику поступала, она перерабатывалась, эшелонами и емкостями она уходила и по трубе, и железной дорогой, а деньги уходили неизвестно куда».

В качестве посредников в этих махинациях в России находилось ряд коммерческих структур, через которые отмывались нефтедоллары.

Другим средством сказочно быстрого обогащения стали знаменитые чеченские авизо. Обналичка в столичных банках фальшивых чеченских векселей давала сотни миллионов. Такие махинации были невозможны без посредников в столице новой России.

Тогда в одночасье из московских банков были уведены триллионы рублей. Причем ни один рубль так и не достался простым чеченцам, в том числе и тем, кто своей кровью оплачивал чужое мздоимство, мошенничество и беспредел.

Позднее выяснилась еще одна странность. В начале 1992-го в Чечне побывали все три героя подавления августовского путча – **маршал Шапошников, генерал армии Кобец** и тогда еще **генерал-полковник Павел Грачев**.

В те дни президент самопровозглашенной республики **Джохар Дудаев** утверждал:

«Мы не скрываем и не можем скрывать, что единственную защиту мы находим в приобретении оружия. Именно наличие оружия спасло нас от ГКЧП, от многочисленных вооруженных провокаций, террористических актов и возможности физического уничтожения».

Встречи московских визитеров с руководством самопровозглашенной республики происходили как раз накануне вывода российских войск из Чечни, летом 1992-го. Как раз тогда **начальник Грозненского гарнизона генерал Петр Соколов** получил странное указание маршала **Евгения Шапошникова**: передать Дудаеву половину оставшегося в Чечне оружия по остаточной стоимости. Рапорты о количестве захваченного дудаевцами оружия Соколов в то время отправлял в Москву. Однако, похоже, до них никому не было дела. Видимо, между генералом Дудаевым в Грозном и генералами в Москве сложился тайный союз, если не сказать больше – заговор.

Вот лишь некоторые цифры того, что досталось Дудаеву: 42 танка, 34 боевые машины пехоты, 14 бронетранспортеров, 139 артиллерийских систем, 101 единица противотанковых средств, 27 зенитных орудий и установок, 270 самолетов, 2 вертолета, 27 вагонов боеприпасов, 38 тонн вещевого имущества, 254 тонны продовольствия. По некоторым подсчетам, оставленного в Чечне оружия хватило бы для вооружения 4 мотострелковых дивизий.

Мой собеседник – **Руслан Мартагов, бывший министр информации и печати** в оппозиционном режиму Дудаева Временном совете в 1994 году. Он рассказывает:

«Вплоть до мая – июня 1994 года в Чечню очень часто прилетали **Шапошников, Грачев** и **Дейнекин**. И почему-то так получалось, что прилетали они по ночам. Их отвозили к Дудаеву

в Старопромысловский район, и на рассвете, где-то часа в 4, в 5, они опять взлетали и улетали оттуда.

Вплоть до лета 1994 года в Грозненском аэропорту, который сейчас называется «Северный», по ночам приземлялись тяжелые транспортные самолеты. Мы заинтересовались тем, что это за самолеты, – ведь в то время была объявлена полная блокада Чечни. И выяснили очень интересную подробность: к обслуживанию этих самолетов не допускались даже те, кто непосредственно работал в аэропорту. Для этого привлекалась специальная команда, которая за полчаса до прибытия рейса выезжала из дворца Дудаева. Как правило, самолет отгонялся на дальнюю стоянку, его содержимое – какие-то ящики – перегружалось либо в ТУ-134, либо в крытые «КамАЗы».

В свое время проследили за одной из колонн этих «КамАЗов». Колонна выехала за пределы Грозного по направлению к Владикавказу, впереди колонны шла машина ГАИ.

Было отслежено движение до пересечения с пограничным постом, когда колонна шла по Военно-Грузинской дороге в сторону Грузии».

Отныне Чечня становится перевалочным пунктом для контрабанды оружия, которое стреляет в различных горячих точках земного шара. Например, на Аравийском полуострове, в Королевстве Йемен, за тысячи километров от Грозного.

Со мной согласился встретиться **Мансур, бывший сотрудник спецслужб**. Он подтвердил:

«Были и операции, связанные с контрабандой оружия. Например, в мае – июне 1994 года шла гражданская война в Йемене. И откуда-то из России туда шло оружие. Сначала борты прилетали в Грозный, там ящики перегружались на другие борты, и оттуда они летели в Аден, столицу Южного Йемена».

Свидетельствует **бывший первый заместитель министра внутренних дел Чечено-Ингушской АССР Абдулбек Даудов**:

«Пути поступления оружия были различные. По нашим оперативным данным, оружие шло через Азербайджан и Дагестан – это один путь. Второй путь – по имеющейся информации, оружие приходило из Грузии. Также оружие переправлялось в Чечню из расформированных в Монголии советских частей. Оружие поступало сюда и из Турции. Так, еще в 1991 году под видом гуманитарной помощи Турция поставила в Чечню первую партию стрелкового оружия советских образцов в основном производства ГДР. Турки получили этот арсенал от ФРГ, в рамках взаимопомощи НАТО».

До сих пор окутана тайной бесследная пропажа с гигантских складов Западной группы войск, дислоцированной в ГДР, более семидесяти тысяч тонн боеприпасов и оружия. Того самого, которым предполагалось победить в Третьей мировой войне.

Мансур (слева)

Именно в тот период странным образом начали взрываться и военные склады на Дальнем Востоке. По официальной версии, от самопроизвольного возгорания.

Зачем маленькой и гордой Чечне столько оружия и боеприпасов? Достаточно вспомнить, что в то время на окраинах постсоветского пространства разгорелись вооруженные конфликты – Карабах, Южная Осетия, Таджикистан, Приднестровье. Может, потому колонна «КамАЗов» с таинственным грузом растворилась на Военно-Грузинской дороге?

Грозненский аэропорт стал основной перевалочной базой для тайной переброски оружия в эти горячие точки. Именно в горячих точках Кавказа проходили первую обкатку боевики из Чечни. И что интересно, того же **Шамиля Басаева** в Абхазии готовили наши военные спец.

Одним из них был и мой собеседник – человек, которого знали только в узком кругу, да и то под псевдонимом **Мансур**...

Рассказывает **Мансур**:

«Что касается участия **Шамиля Басаева** в этих боевых действиях, то я занимался тем, что действительно с ним часто общался по различным аспектам ведения боевых действий. Можно сказать, что когда он и другие чеченцы, которые были с ним, туда приехали, они имели определенную подготовку, но уровень изначально был не очень высокий. К окончанию боевых действий они уже были очень опытными профессионалами и достаточно квалифицированными военными и диверсантами».

Осенью 1992 года во время осетино-ингушского конфликта Чечня сама едва не вступила в открытое вооруженное противостояние с Российской армией.

Дудаев обвинял Россию в том, что та, введя свои войска в Осетию для разъединения конфликтующих сторон, на самом деле готовит плацдарм для вооруженного вторжения в Чечню. В Грозном вновь объявили всеобщую мобилизацию и стали активно готовиться к войне.

Уже тогда **Дудаев** начал разрабатывать план бомбардировки российских городов. План назывался «Лассо» и предполагал нанесение бомбовых ударов по южным городам России, таким, как Ставрополь, Краснодар, Ростов-на-Дону. Для реализации этого плана он располагал чешскими самолетами Л-39 и Л-29. (Позже, в ноябре 1994-го, эти самолеты, состоявшие на вооружении у Дудаева, были уничтожены нашей авиацией.) При небольшой доработке они

вполне могли стать легкими штурмовиками, несущими бомбовый запас до двухсот пятидесяти килограммов.

А пока Дудаев, или, как его прозвали сами чеченцы, папа Джо, продолжал с удовлетворением наблюдать, как его войска превращаются в боеспособную армию. По его логике, ради мифической свободы чеченцы должны были победить или погибнуть. С этого момента фраза Дудаева «воевать до последнего чеченца» становится основной риторикой его выступлений.

Выставленные напоказ головы боевиков Лабазанова

В ходе нашей беседы **Руслан Мартагов**, бывший министр информации и печати в оппозиционном режиму Дудаева Временном совете, подтвердил:

«Он открыто заявлял, что 70 процентов чеченцев должно быть уничтожено. Абсолютное, полное пренебрежение к народу. Абсолютное!»

По мере того как Дудаев все активнее скатывался на позиции диктатора, росло число лиц, пополнявших ряды оппозиции. В феврале 1993-го он фактически установил режим единоличной президентской власти. В Чечне запахло порохом, гражданской войной.

5 июня 1993 года по приказу Дудаева расстреляли мэрию, где укрылся его **бывший сподвижник и командующий национальной гвардией Бислан Гантамиров**.

Распущены Конституционный суд и Парламент. От диктатора с пальбой ушел и **личный телохранитель Руслан Лабазанов**. Парадокс: бывший рэкети́р, чья банда состояла из освобожденных из грозненского СИЗО эков, обвинил генералов в потворстве бандитам. В знак протеста против криминального засилья в органах власти отряд **Лабазанова** совершил вооруженный налет на Дом радио. В ответ части, верные Дудаеву, атаковали отряд Лабазанова. По приказу Дудаева оторванные головы убитых боевиков Лабазанова были выставлены напоказ. Тогда бывший краснодарский рэкети́р объявил диктатора своим кровником и пригрозил лично его убить.

А в это время в Москве назревал политический кризис. В сентябре 1993-го **Ельцин** издал знаменитый указ о роспуске Верховного Совета. Начался открытый конфликт двух ветвей власти. Дудаев назвал указ президента Ельцина о роспуске парламента единственно вер-

ным шагом и предложил российскому президенту в случае необходимости свою военную помощь.

4 октября **Ельцин** в точности повторил сценарий событий в Грозном, силой разогнав Верховный Совет. На следующий день после штурма Белого дома Дудаев отправил в Москву телеграмму с поздравлениями. Утверждают, что Дудаев приложил руку к конфликту между **Ельциным** и **Хасбулатовым**. Якобы даже передал какие-то компрометирующие спикера парламента документы.

Однако уже 16 декабря Ельцин принимает решение о закрытии административной границы с Чечней. В этот же день в Надтеречном районе создан Временный совет Чеченской Республики. Оппозиционный Дудаеву совет возглавил **Умар Автурханов, бывший майор милиции** в Сухуми. К нему вскоре примкнули **Руслан Лабазанов и Бислан Гантамиров**.

С этого момента в Надтеречном районе начала готовиться операция по силовому свержению Дудаева. Для реализации этого плана Москва выделила свыше 150 миллиардов рублей.

Несколько попыток по уничтожению оппозиции Дудаев предпринял в 1994 году в Толстой-Юрте и Аргуне. В решающем бою отряд Лабазанова потерял свыше 20 бойцов. Именно в этом бою Дудаев впервые применил авиацию и тяжелую бронетехнику. Лабазанов вырвался из окружения и ушел в Дагестан, по пути расстреляв наемников, ехавших на помощь Дудаеву.

В этот период Чечню тайно посещали сотрудники российских спецслужб. Мой собеседник, сотрудник спецслужб **Мансур**, рассказал:

«Мои поездки туда сильно отличались от того, зачем я ездил в Абхазию, и были краткосрочными – по 2–3 дня. В основном они носили чисто информационный характер, то есть я приезжал туда посмотреть, что происходит, чтобы потом здесь, в Москве, рассказать. У меня впечатление сложилось по Чечне, что там царит полный бардак, как в стане Дудаева, так и в стане оппозиции. Абсолютно понятно было, что оппозиция не могла в тот момент самостоятельно свергнуть Дудаева. С другой стороны, было понятно, что у федерального Центра вообще не было никакой политики. То, что была внутриведомственная, межведомственная грызня, в буквальном смысле слова, это факт».

Тем временем **Дудаев** продолжает обвинять российские спецслужбы во вмешательстве во внутричеченские дела.

Во время одной из пресс-конференций он заявляет:

«Пока мы требуем, чтобы российское руководство свой разум затуманенный, свои головы немного остудило».

«А если они не сделают этого?» – спрашивает корреспондент.

«Если не сделают, то, что же, тогда будем драться насмерть», – уверенно отвечает президент «республики Нохчийчо».

Москва подобные выпады игнорирует и продолжает вооружать оппозицию. Московская штаб-квартира антидудаевской оппозиции располагалась в столичной гостинице «Пекин». Именно здесь под руководством спецслужб начала разрабатываться секретная операция по штурму Грозного 26 ноября 1994 года.

В Моздок прибыла большая группа переодетых в гражданку офицеров-танкистов. Добровольцев собрали в подмосковных частях. После доукомплектования экипажей колонна танков, прибывших с Дальнего Востока, пересекла границу Чечни. А уже через сутки, 26 ноября, они вошли в Грозный.

Я смог разыскать участников того неудавшегося штурма. Вот что мне рассказал один из них:

«Кто-то наверху не очень хотел победы над Дудаевым. Например, часть боеприпасов, которые поставлялись оппозиции, оказалась непригодной. То ли они были выварены в воде, то ли в керосине. Такая же ситуация складывалась и с партией одноразовых гранатометов. Едва стрелок только приводил гранатомет в боевое положение, как происходил подрыв».

Такая же ситуация сложилась и с зенитными орудиями, 10 штук которых поступило в Знаменское. Механизмы стрельбы у всех этих орудий подозрительным образом были собраны неправильно, стрелять из них было невозможно.

Это в очередной раз подтвердило информацию спецслужб о наличии в Москве некой третьей силы, группы людей, не желавших поражения мятежного генерала.

Например, ксерокопию подробного плана предстоящего штурма Грозного Дудаев по факсу получил из Аппарата президента России. Это выяснилось после встречи представителя президента **России Аркадия Вольского** с Дудаевым.

При встрече со мной **Аркадий Вольский, представитель Президента РФ по вопросам урегулирования конфликта в Чечне** в 1994–1995 годах, рассказал:

«Он мне передал в руки бумагу, которая здесь, в Москве, шла с особым грифом, которая никак у него не должна была быть. Это была бумага, циркулировавшая только между нашими двумя руководителями. Я говорю: «Я не возьму это, Джохар. Зачем мне это нужно? Достаточно того, что я посмотрел». «Нет, вы возьмите, – отвечает Дудаев, – и передайте Борису Николаевичу, которого я искренне уважаю. Передайте, кто у него рядом, передайте, что я получаю такие документы раньше, чем он».

В результате уже к полудню 26 ноября, когда танки с российскими экипажами достигли центра города, все разрешилось практически молниеносно. Часть танков была уничтожена, часть блокирована и захвачена вместе с экипажами. Кадры с сожженными российскими танками – итоги той операции – обошли все мировые телеканалы.

Подобного удара в Москве не ожидали.

Пленных танкистов Дудаев использовал для шантажа Москвы. На состоявшейся в Грозном пресс-конференции он представил их иностранным и российским журналистам.

Сепаратисты привели на ту пресс-конференцию танкистов: **капитана Крюкова Андрея Васильевича**, войсковая часть 01451, г. Солнечногорск, МО, и **капитана Шихалёва Александра Николаевича**, войсковая часть 40–62, город Нарофоминск, Кантемировская дивизия.

Федеральная служба контрразведки (предшественница нынешней ФСБ), отвечавшая за эту операцию, хранила молчание.

Я встретился с **Александром Михайловым, руководителем УОС ФСК в 1994 году**. Он заявил:

«**Степашин** в этот день докладывал президенту об этой операции и по первичным данным сказал, что танки в Грозный вошли. И они, так сказать, решили ту боевую задачу, которая перед ними была поставлена».

Но дальше началось неожиданное. Когда Степашину сказали о том, что за штурвалами сидят российские танкисты, он был просто обескуражен, потому что вопрос об участии российских военнослужащих в штурме Грозного, в разрешении этого конфликта изначально не стоял.

Министр обороны Павел Грачев вообще заявил, что его людей не могло быть в Чечне.

Отвечая на мой вопрос, **Павел Грачёв**, министр обороны РФ в 1992–1996 годах, заявил следующее:

«Я смотрю телевидение, там вроде пленные захваченные и еще кто-то. Я единственное знаю, что с каждой стороны – и на стороне Дудаева, и на стороне оппозиции – воюет большое количество наемников».

Валерий Ванов

Пленные остались бесхозными. Узнав о том, что министр обороны высказал неведение об их участии в штурме Грозного, его люди негодовали.

Когда я встретился с **пленным танкистом Валерием Александровичем Вановым**, войсковая часть 01-451, город Солнечногорск, он сказал:

«Я хочу от всего сердца передать пламенный привет своему министру обороны, который от меня отказался».

В российских СМИ танкистов сразу же окрестили наемниками, и это было величайшей подлостью этой войны. Дудаев предъявил ультиматум, в котором пригрозил Москве через 72 часа расстрелять пленных, если та не признает их своими военнослужащими.

Небольшую группу пленных передали прибывшим в Грозный депутатам. Все это напоминало плохо разыгранный политический спектакль.

Двоих ребят вернули родителям и тут же забыли. Оставшуюся большую часть пленных танкистов спецслужбы вытащили как раз накануне ввода войск.

Ельцин ответил встречной угрозой. Дал Дудаеву 48 часов на разоружение незаконных формирований. Ситуация развивалась стремительно. Перед угрозой вторжения извне чеченцы объединились вокруг своего президента.

А в Москве на третий день после трагического штурма, 29 ноября, в Кремле состоялось совещание Совета безопасности. На нем пришли к выводу о неизбежности решения конфликта военным путем.

На следующее утро якобы неопознанные самолеты бомбили Грозный. А через полторы недели началась война. И вскоре в этой войне появляются первые жертвы: убитые, раненые, пленные...

Глава 2

Пленные и забытые

Утром 11 декабря 1994 года в Чечню для восстановления там конституционной законности и порядка вошли войска. В дагестанском городе Хасавюрт боевики, прикрываясь женщинами и детьми, захватывают в плен более 50 военнослужащих. Вскоре кого-то отпускают, но почти 20 солдат и офицеров остаются в заложниках. Так, против своей воли и по глупости столичных начальников они становятся разменными фигурами в начавшейся политической игре.

За две недели до этого Совет безопасности России принимает решение о начале боевых действий на территории Чечни. После чего следует секретный указ президента. По плану Генерального штаба на восстановление порядка в Чечне отводится 25 дней.

В Москве создана специальная группа для руководства операцией. Ее возглавляет **министр обороны Павел Грачев**. Вечером 10 декабря командир 57-го полка внутренних войск объявил офицерам приказ: выдвинуться в район Хасавюрта и организовать оборону Герзельского моста.

Высшие военные чины почему-то отдали строжайший приказ: ни при каких обстоятельствах не открывать огня. Чем и воспользовались боевики, устраивая многочисленные провокации против военнослужащих.

Хасавюрт расположен вблизи границы Дагестана и Чечни. В этом районе проживает много чеченцев-аккинцев. Когда дудаевский режим выдвинул идею объединения народов Северного Кавказа под эгидой Чечни, именно аккинцам отводилась роль главенствующей нации на территории соседнего Дагестана. Это должны были бы учитывать столичные стратеги с большими звездами на погонах. Но не учли...

11 декабря в 4 утра полк подняли по тревоге. Колонны прошли по окраине Хасавюрта и стали занимать указанные позиции. Прямо в поле солдаты рыли окопы и блиндажи. До трагической развязки оставались считанные часы.

Владимир Богдасаров

Я встретился с некоторыми участниками тех событий. Одним из моих собеседников был **командир разведывательной роты 57-го полка Владимир Богдасаров**. Вот что он рассказал:

«Выдвижение в указанный район на границе Чеченской Республики, ввод войск в Чечню должны были происходить вообще вне населенных пунктов. И тем более вне таких населенных пунктов, как Хасавюрт. Это решение было основано на информации, прежде всего о людях, которые там жили. Организовать массовые беспорядки в этом городе совершенно не составляло труда. И это я лично, как командир разведроты, который получал какую-то информацию, понимал».

В Генштабе план предстоящей операции рисовался следующим образом. На все отводилось три недели. В Чечню с запада войска должны были войти по двум направлениям: через Моздок и Назрань. Их конечная цель – Грозный. Туда же через дагестанский Хасавюрт выдвигались силы восточной группировки. Но, встретив сопротивление боевиков и местных жителей, они даже не перешли границу с мятежной Чечней.

Ранним декабрьским утром личный состав 57-го полка внутренних войск выдвинулся в направлении Чечни. По замыслу командования через несколько часов по Герзельскому мосту должны были войти в Чечню части корпуса **генерала Льва Рохлина**.

У солдат и офицеров 57-го полка был строжайший приказ: не стрелять. А ведь многие местные жители даже и не скрывали, что поддерживают режим Дудаева.

В час дня в штаб полка пришло срочное сообщение. Дежурные силы подняли по тревоге, в том числе и разведгруппу прапорщика Еремина. При встрече со мной **командир разведывательной группы 57-го полка Сергей Еремин** рассказал:

«Нам сказали, что в районе одной из застав, где находились наши батальоны, собралась толпа. И там идет, будем так говорить, захват оружия».

Через живое кольцо из местных жителей, среди которых было много вооруженных мужчин, на помощь своим пробивается капитан **Богдасаров**. На месте происшествия фактически разоружали его однополчан.

Сергей Еремин

Во время нашей встречи командир разведывательной роты 57-го полка **Владимир Богдасаров** так описывал то, что произошло вслед за этим:

«Непонятно, что они там делали. Мне трудно было разглядеть их действия. Но то, что я видел отчетливо, это что наперерез через поле человек, наверное, 50 выносили боеприпасы, огнеметы, оружие. То есть, как я потом узнал, они просто-напросто захватили вначале машину с боеприпасами. Ну, и, соответственно, первым моим помыслом было остановить это безобразие. То есть мы двинулись наперерез этой толпе, которая все выносила. Убегала уже с этими боеприпасами и вооружением».

Толпа в тысячу человек перегородила дорогу батальону. Местные жители окружили боевую технику. Они были настроены далеко не миролюбиво. Впереди женщины, дети, подростки. Позади группы вооруженных мужчин, они что-то выкрикивают, видимо, руководят толпой. Однако прибытие бронетехники немного охладило пыл митингующих. Их удалось оттеснить от позиции батальона. Но ситуация продолжала накаляться. **Командир разведывательной группы 57-го полка Сергей Еремин** описывал мне происшедшее в тот день:

«Со стороны Дагестана находились сотрудники милиции. Они говорят: «Не стреляйте, не стреляйте, мы сами разберемся». И мы частично начали изымать оружие. Ну, у тех, кого догнали».

Местные жители полагали, что войска идут в сторону Грозного. И делали все, чтобы их не пропустить. Старики, женщины и подростки бросались под колеса бронетранспортеров. Детей клали на броню. Когда командиру батальона **подполковнику Виталию Серегину** передали приказ отводить технику и личный состав в распоряжение основных сил полка, кто-то перекрыл дорогу, выставив заправленный топливом бензовоз. Вокруг него замкнулась людская стена. Отходить можно было только в сторону Хасавюрта. Но там колонну ждала новая толпа.

Рассказывает **Сергей Еремин**:

«Где-то сзади стояли вооруженные люди, которые отдавали какие-то команды. Причем даже, по-моему, я сам не видел, но стрельбу слышал».

Толпа становилась все агрессивнее. Бойцы, помня о приказе, огонь не открывали: ведь они в Дагестане, на эту территорию действие президентского указа не распространяется. Солдаты терпеливо сидели внутри БТР, офицеры на броне.

В какой-то момент под крики женщин на бронетранспортеры стали запрыгивать мужчины и стаскивать на землю военнослужащих. Они явно провоцировали их на ответные меры.

Сергей Еремин так вспоминает об этом:

«Там крики непонятные были, возгласы. Кого-то избивали, кого-то пытались стащить вниз из тех, кто был снаружи. Значит, наши ребята, которые на броне сидели, они не давали возможность подойти к машине».

Старшие офицеры спустились к обезумевшей толпе и пытались что-то объяснить окружившим их людям. Следующий момент прапорщик **Еремин**, находившийся внутри БТР, заметил, как на броню запрыгнули молодые парни из местных и буквально выдернули из командирского люка машины **майора Афонина**. В этот же люк бронетранспортера снаружи кто-то просунул ствол автомата.

Сергей Еремин продолжает свой рассказ:

«Он был без магазина. Там сидел Марселин, наш водитель. Ему наставили автомат прямо в шею, впритык фактически. Я посмотрел, что автомат без магазина. Значит, ствол нагнул двумя руками. Тогда его выдернули. И потом уже слышу, что затвор передернули. Значит, автомат уже с магазином. Я выглянул в люк и говорю: «Если в солдата выстрелите, я открою огонь».

Далее события стали развиваться стремительно. Из толпы вырвался БТР, но его тут же догнали. Что было потом, **Еремин** помнит во всех деталях.

«Начали просто всех вытаскивать, кто там был, – вспоминает он. – Кому-то, как говорится, досталось, кого-то били, кого прикладом, кого чем. Ну, меня последним тоже оттуда вытащили. Потом появились какие-то люди в штатском. Они начали нас ограждать от действий бесчинствующей толпы».

Так всего за несколько минут на площади в Хасавюрте было захвачено более 50 военнослужащих внутренних войск. Они не имели права сделать ни одного выстрела, даже защищаясь. Заметим, именно в это время через город должен был пройти корпус **генерала Рохлина**. Прибытие сюда этих внушительных сил предотвратило бы провокацию. Но у ее организаторов были развязаны руки. Потому что, скорее всего, им стало известно, что в тот день генерал Рохлин не выполнил приказ о наступлении. Помня об опыте войны в Афганистане, он потребовал письменного подтверждения приказа из Москвы. Шло время, Москва молчала. А в Хасавюрте разворачивались трагические события.

Командир 57-го полка еще не знал, что отныне некоторым его подчиненным уготована невольничья судьба на долгое время. Военнослужащих держали в здании бывшей школы, пока составляли пофамильные списки. Потом разделили. Солдат и офицеров содержали отдельно. Через какое-то время пленных по 4–5 человек увезли по домам местные жители.

Еремин, а с ним еще четыре человека, оказался в доме у пожилого чеченца. Здесь же находились двое его сыновей. Все вооружены, кто охотничьим ружьем, кто ручным пулеметом или автоматом. По местным понятиям, семья оказалась хорошей, пленных накормили. Затем старик разговорился, даже предложил им уйти. Но **Еремин** старику не поверил. Сам он так объясняет свой отказ:

«Ты наспустишь, – говорю я ему. – Мы за ворота выйдем, потом стрелять начнешь». И тут он спрашивает: «А ты чего, служил раньше где, что ли?» Отвечаю: «Да, служил». – «В Афганистане?» – «Да, в Афганистане». Он говорит: «Мусульман, наверное, убивал». Но я промолчал. «Ну, ладно, – говорит, – это все, самое главное, что тут все мирно закончилось. То, что по людям стрелять не начали, это вот самое главное». Старик успокоил: «Никому вас не отдам».

Но уже ночью возле дома остановился автомобиль. Через минуту в комнату ворвались вооруженные люди.

«Вошли три представителя, видимо, из банд, ну, бандиты, по ним видно, или бывшие заключенные какие-то, очень резко так говорили. И они встали так, что оружие было направлено в нашу сторону».

Старик сдержал слово и выпроводил ночных посетителей. Таких визитов больше не было. А тем временем командир части приказал **капитану Богдасарову** переодеться в гражданскую одежду и отправиться в Хасавюрт, чтобы выяснить, где содержат пленных.

Богдасаров, офицер-спецназовец и солдат-водитель втроем мотались на «уазике» по Хасавюрту и окрестностям. Опрашивали доверенных людей, стараясь найти хоть малейшую зацепку. Им удалось выяснить, что, возможно, пленных отпустят, но когда – неизвестно.

В тот день в городе вообще царил полное безвластие. Ни милиции, ни представителей местной администрации. При этом на выезде из Хасавюрта появились КПП, сложенные из железобетонных блоков. Их явно приготовили заранее. Какие-то вооруженные люди здесь тщательно досматривали все проезжавшие машины. Какую власть они представляли, непонятно. Они пытались остановить и машину Богдасарова.

«У нас были документы прикрытия, – рассказывает капитан **Богдасаров**. – У нас было оружие, у нас, в общем-то, все было. Но нам, честно говоря, не хотелось, чтобы нас досматривали и проверяли. И эта ситуация достаточно щекотливая была. С одной стороны, мы понимали, что действия этого блокпоста незаконные. А мы, собственно говоря, представители законной власти. С другой стороны, понимали другое: что в данный момент их закон главнее, чем наш закон».

Утром 12 декабря в Хасавюрт **прибыл заместитель главкома внутренних войск генерал-лейтенант Станислав Кавун**. Он был уполномочен вести переговоры об освобождении военнослужащих. Правда, никто из боевиков встречаться с ним не стал. Как водится, они спрятались за спины женщин и стариков. На встрече с местными жителями **Станислав Кавун** заявил:

«Вот я перед вами стою. Если вы мне сейчас поставите здесь 59 солдат, которых вы задержали вчера, я готов с вами пойти. Я готов быть здесь у вас. В Хасавюрте сидеть».

Пока шли переговоры, **Еремин** начал готовить побег. Он хорошо изучил местность и ждал удобного случая. А еще он не верил добрым заверениям своих хозяев. Было ясно, что пленные нужны боевикам как живой товар, который можно продать или обменять. Рано или поздно боевики найдут подход к старику, который не сможет им отказать и выдаст заложников.

Во время нашей встречи **Сергей Еремин** делился своими воспоминаниями:

«Вот с ним разговариваешь. Он вроде как бы хочет казаться чистосердечным. А с другой стороны, такое ощущение в данный момент создается, что черт его знает, как говорится, лучше быть подальше. То есть придерживать таких людей на расстоянии все равно нужно».

Следующей ночью Сергей решил ничего не предпринимать, а на третью ночь уходить. Но все повернулось по-другому.

«А на следующий день вечером за нами приехали люди в штатском. Забрали нас, там «Жигули» стояли. И они нас в эти «Жигули» посадили, вниз. Сели мы за сиденье туда, они нас прикрыли и провезли».

Кто были те люди в штатском, **Еремин** так и не узнал. Поговаривали, что сотрудники спецслужб. Тогда остается загадкой, почему с такой скрытностью они перевозили пленных. И почему освободили не всех. В заложниках остались 7 офицеров и 12 солдат. И среди них был старший лейтенант Борис Болтнев.

С заместителем командира роты 57-го полка Борисом Болтневым мне удалось встретиться уже после описываемых событий. Он рассказал:

«Ближе к утру, часов в пять-шесть, нас перевезли в Грозный. На двух машинах увешанные оружием чеченцы в форме президентской гвардии. Ехали открыто по трассе Ростов – Баку. Еще вчера здесь располагались опорные пункты подразделения полка внутренних войск. Сейчас никаких постов не было. Лишь на границе Дагестана с Чечней дежурили дагестанские милиционеры. Без какой-либо проверки машин с людьми они спокойно открыли шлагбаум».

Как эффективно использовать пленных военнослужащих в качестве живого щита, сторонники Дудаева поняли еще в августе 1994 года. То есть за четыре месяца до описываемых событий.

Борис Болтнев

В российском руководстве считали, что к этому времени **Дудаев** потерял большинство своих сторонников, упустил власть. И уже не управлял республикой. Каждое село, каждая община жили по своим правилам. В Москве не сомневались, дни мятежного генерала сочтены. И боялись, что новым лидером в Чечне может стать **Руслан Хасбулатов**. Его авторитет в республике был очень высок. Видимо, в Москве решили из двух зол выбрать меньшее. И 26 ноября в Грозный вошли танки. На свержение **Дудаева** двинулись части чеченской оппозиции. Дело даже не в том, что они шли без прикрытия пехоты и стали легкой добычей дудаевцев. Главное, танками управляли люди славянской внешности, одетые в военную форму. Когда их взяли в плен, идеологи Ичкерии обвинили Россию во вмешательстве во внутренние дела республики. Получив опыт использования танкистов в начавшемся торге с Кремлем, боевики сделали выводы о роли пленных в предстоящей войне.

В канун Нового года в Грозный вновь вошли танки. На этот раз это были уже части Российской армии. Когда стало ясно, что Грозный вот-вот возьмут федеральные войска, **Болтнева** увезли в Шали, в бывший следственный изолятор районной прокуратуры, где бандиты устроили тюрьму.

Заместитель командира роты 57-го полка Борис Болтнев поделился со мной своими воспоминаниями:

«В Шали нас перестали кормить. Ну, там были такие ребята достаточно суровые. Могли и вывести пострелять тебе под ноги или, допустим, над головой пострелять».

Судя по всему, охранники были хорошо знакомы с тюремными порядками. Видимо, прошли эту школу, сделав по несколько ходок в зону. Поэтому все устроили по своему разумению. В камере вместе с **Болтневым** постоянно находилось еще около 10 человек. То и дело к ним подсаживали стукачей из местных, которые слушали, а потом передавали охране, о чем говорят заключенные. В этих ужасных условиях пленные были брошены выживать.

Борис Болтнев продолжает свой рассказ:

«Воду пили из батареи отопления. Трубу ломаешь, допустим, она не действует. Оттуда течет вода, зеленая такая. Либо из речки. Либо вот я канализационный люк во дворе нашел. Веревка тонкая была, я ее опустил туда – воды набрать. Но она оборвалась». Оказалось, что

один из пленных, контрактник, служил в Афганистане вместе с боевиком охранником. Заключенному разрешили сообщить о себе жене. И та вскоре приехала в Шали. Борис написал на каком-то бланке телефон родственников, эту записку его товарищ сумел передать жене во время свидания.

Моя собеседница – **Лилия Романова, мама капитана Андрея Романова**. Вот что она рассказала:

«Те люди позвонили жене Лене, что он находится в Шали. Она прибежала и говорит: «Борис о себе сообщил!» Но наш Андрей, когда уезжал, сказал: «Я никогда семью под удар ставить не буду. Я никогда номеров ни матери, ни семьи никому давать не буду. Все, что случится, случится только со мной». Он все время такой был».

Лилия Романова поехала искать сына Андрея. Добралась до Хасавюрта. Оттуда местные жители на собственной машине привезли ее в Шали. Здесь ей рассказали, что пленные находятся в бывшем следственном изоляторе. Через несколько дней женщина все же упростила охранников разрешить ей встретиться с **Болтневым**.

Кадр из видеоролика, отснятого боевиками

Лилия Романова продолжает свой рассказ:

«Его ввели, на стул сел. Я говорю: «Боря, ты как? А Андрей-то где?» А он говорит: «Андрей дома». И он стал рассказывать все, начиная с Хасавюрта. «Нас, – он говорит, – там распределили по трое. И вот в 11 часов вечера входит чеченец и говорит: «Романов, идем с нами». А я, – он говорит, – боялся без Андрея оставаться. Встал и говорю: «Возьмите меня с Андреем». А он говорит: «А ты пока посиди».

Бориса боевики считали неблагонадежным. А он и вправду задумал бежать. План был прост. Во дворе стоял заправленный «КамАЗ», захваченный боевиками. Ночью, когда большинство бандитов спит, **Болтнев** планировал хитростью заставить охранника открыть дверь камеры. Скажем, обозвать или как-то еще его оскорбить. Затем попытаться оглушить или даже убить, потом выбраться во двор. Тихо вывезти грузовик – и по газам. Дело оставалось за малым: уговорить водителя «КамАЗа», который был сокамерником Болтнева. Правда, выяснилась еще одна сложность.

Рассказывает **Борис Болтнев**:

«Весь вопрос был в том, что никто из нас не знал, в какую сторону ехать. И где вообще что находится. Нас туда везли с завязанными глазами в автобусе. То есть я поселок не знал. И, в принципе, никто не знал. Но в любую сторону можно попробовать. Ну, хорошо, что нашлись люди, которые не согласились».

Наверняка беглецов бы поймали. И тогда их участь была бы предрешена – смерть. Но судьба опять распорядилась по-своему. Водителя «КамАЗа» отпустили в обмен на тела погибших боевиков. Накануне рядом с Шали морские пехотинцы уничтожили бандгруппу, трупы заминировали. Пленному водителю выдали кусок грязной простыни. Тот сделал из нее флаг, наподобие парламентерского. И отправился сдаваться к своим.

Рассказывает **Борис Болтнев**:

«Ночью пришли, дали ему тряпку, сказали: «Вот, у тебя есть шанс выжить. На тебе белую тряпку. Пойдешь, в трех километрах отсюда стоит морская пехота. Значит, дойдешь туда и скажешь, чтобы разминировали наши трупы. За это они получают тебя, живого. Если дойдешь, то молодец. Не дойдешь – значит, судьба». Но я так понял, что он дошел. Это все он мне потом рассказывал. То есть я в тот момент этого не знал».

30 марта 1995 года, после трех месяцев плена, Бориса и еще одного офицера обменяли на захваченного боевика. Для бандитов заложники уже стали ходовым товаром. Их можно было менять на захваченных в плен сепаратистов. И даже требовать от командования федеральных сил за голову солдата или офицера освобождать преступников, отбывающих наказание в различных регионах России.

Кроме того, пленных использовали и в пропагандистских целях. Попутно выставляя бандитов благородными рыцарями. Получалось что-то похожее на рекламную акцию.

В моем распоряжении имеется несколько таких видеороликов, снятых боевиками. На одном видно несколько пленных солдат, рядом сидит мама одного из пленных. Бандит, играющий роль ведущего, говорит:

«Вот эти ребята, которые были в плену. Вот они могут сказать, как обращаются с ними.

Чеченцы – примерные воины ислама. Как обращаются с вами, скажите вот. Вот перед камерой».

Солдат не хочет говорить, и тогда его мать просит:

«Артур, скажи, сынок, как».

«Ну, говори, говори», – настаивает боевик.

«Нормально обращаются», – наконец выдавливает из себя солдат явную ложь.

«Обращались нормально, – подхватывает «ведущий», – жили вместе, ели, что они, то и мы. Одет он нормально. Никто не обижал».

Этих ребят только покажут обезумевшим от горя матерям, но не освободят. Зачем торопиться? Их еще можно использовать в своих целях. И таких рекламных трюков немало.

Правда была в другом. Передо мной два снимка одного и того же человека, сделанные с разницей в три месяца. Разница огромная. Фотографию изможденного, едва живого человека боевики прислали матери **майора Олега Дедегкаева**. В конверте было и письмо, написанное рукой Олега. Он сообщал, что люди, которые его удерживают, предлагают обменять его на двух чеченцев, отбывающих срок в какой-то колонии в Сибири.

Тамара Дедегкаева, вдова майора Олега Дедегкаева, рассказала мне о том, что было дальше:

«Я с этим письмом приходила сюда, к нам в управление. Все объяснила, все рассказала. Ну, в общем-то, вопрос начали решать. Но почему-то он не решился тогда, этот вопрос».

Олега взяли в заложники 11 декабря 1994 года. В тот момент он исполнял обязанности заместителя командира части по воспитательной работе. Во время нападения на колонну находился в расположении основных сил. Командование полка попыталось своими силами освободить пленных.

Майор Олег Дедегкаев

Майор **Дедегкаев**, как официальный представитель части, днем 11 декабря дважды ездил на переговоры в Хасавюрт. Оба раза неудачно. К вечеру отправился в третий раз. Обратно боевики его уже непустили. Затем отвезли в дом, где держали под замком **подполковника Серегина и майора Афонина**.

Тамара узнала о том, что ее муж взят в плен, в тот же день, из сообщения по радио. А потом увидела кадры с пленными в теленовостях. С этого момента Тамара ничего не слышала о судьбе мужа. Вплоть до марта 1995-го, когда пришло это письмо и фотография. С нее смотрел изможденный, но не сломленный человек.

После этого боевики еще несколько раз звонили матери офицера во Владикавказ. Предлагали командованию все новые и новые варианты обмена. О каждом таком предложении Тамара сообщала представителям внутренних войск. Но все оставалось без ответа. Вскоре замолчали и боевики, а военное командование по-своему успокоило убитую горем женщину.

Майор Олег Дедегкаев (крайний справа) 1994 год

Тамара Дедегкаева поделилась со мной своими воспоминаниями:

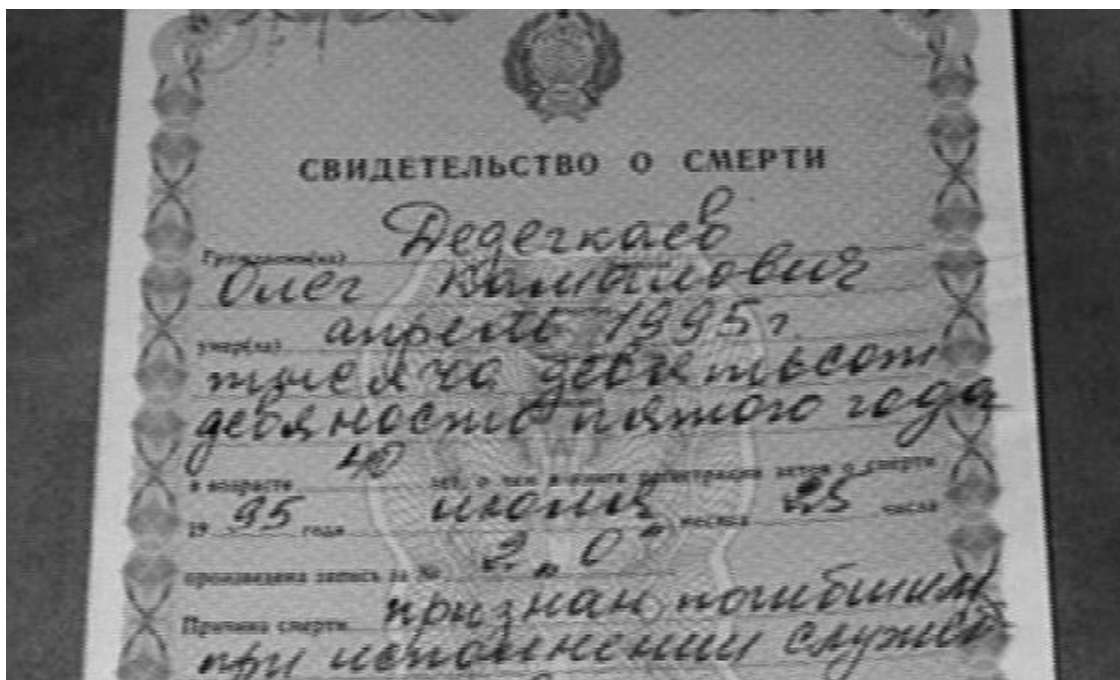
«Мне принесли официальное сообщение о том, что его нет, что вообще место захоронения не представляется возможным найти. Причем там был рапорт, подписанный двумя генералами ФСБ, с подробностями, как и что с ним делали. Зачем мои дети и я должны были об этом знать, я не знаю».

У жены хранится официальный документ, из которого следует, что **майор Дедегкаев** умер в результате психологических и физических пыток. Установить место захоронения не представляется возможным. По сути, силовые органы просто отказались продолжить его поиски.

Вскоре суд признал офицера погибшим. И Тамаре выдали свидетельство о смерти мужа. Так поставили точку на боевом офицере. Но через месяц выяснилось, что майор **Дедегкаев** жив.

Рассказывает **Тамара Дедегкаева**:

«Мне сначала позвонил он сам. Его отправили сразу во Владикавказ. И он мне позвонил уже из Владикавказа. Ночью, поздно ночью. А утром позвонили уже из округа. И сообщили о том, что его освободили, но я уже все знала».

Свидетельство о смерти, которое получила супруга О. Дедегкаева

Олега обнаружили совершенно случайно, когда просматривали видеозаписи, захваченные у боевиков. Майора узнал кто-то из офицеров – они когда-то вместе служили. Выяснилось, что его и комбата **Серегина** содержат рядом. После переговоров их обменяли на пленного боевика.

В штабе группировки внутренних войск Олегу выписали справку об освобождении. Через несколько дней он вернулся домой. После госпиталя навестил жену своего сослуживца и близкого друга майора **Афонины**. Он был начальником разведки полка.

Была даже фотография, на которой оба офицера сняты вместе. Но вскоре их пути разошлись. Олег рассказал об их последней встрече. После съемки заложников в дудаевском дворце в Грозном их разделили и майора **Афонины** увезли в неизвестном направлении.

Я встретился с **Галиной Афониной**, вдовой майора **Вячеслава Афонины**. Она рассказала:

«Олег сказал, что они о муже ничего даже не слышали. «Потому что, – он говорит, – когда мы были в этом бункере в Грозном, пришли эти душманы – я не знаю, как их называть. И нас с **Серегиним** забрали. А Славу сразу отсоединили. Мы спросили: «А его куда?» – «А его, – они отвечают, – домой». И поэтому даже слухов не было, мы даже ничего не спрашивали ни у кого, даже не интересовались этим. Другими как-то интересовались, а о нем подумали, что он дома уже».

Галина Афонина, вдова майора В. Афонина

Это все, что Олег рассказал о пережитом. Восемь месяцев плена еще дадут о себе знать. Оказывается, человек может вынести и не такое.

Говорит **Тамара Дедегкаева**:

«Я считала, что должно пройти какое-то время. Если он захочет о чем-то рассказывать, он расскажет. И мы его щадили. И на эту тему не говорили вообще».

...В середине января 1995 года участь Грозного была предрешена. Небольшие отряды сепаратистов спешно покидали город. Каждая бандгруппа уводила с собой пленных. Они несли тела раненых и погибших боевиков.

В одной из таких групп оказались **Серегин** с **Дедегкаевым**. Боевики несли потери, меняли базы и пути отхода. Попутно вымещая зло на пленных. Первый раз Олега сильно избили 29 января. Били ногами, кулаками, гранатой по голове. Потом стали бить регулярно. Особенно усердствовали подростки: их, словно диких зверенышей, натаскивали на кровь российских солдат.

Однажды пленных охраняли наемники-ингуши. Кто-то им подсказал, что среди заложников есть осетин. **Дедегкаева** избивали несколько часов. Приводили в сознание и снова били. Пока **Серегин** не упросил начальника охраны, чеченца, прекратить эти пытки.

Рассказывает **Тамара Дедегкаева**:

«Самое ужасное у него было – это глаза. Глаза были вообще никакие. Он мог улыбаться, но глаза были и такие оставались. Говорят: «глаза, посыпанные пеплом». Вот это о нем. Он смотрел на нас на всех, и мне казалось, что он словно говорил: «Вот вы здесь живете, так все хорошо, так все замечательно. Ничего вы про эту жизнь не знаете».

Уже дома, узнав, что ему выписали свидетельство о смерти, Олег отшучивался: мол, теперь жить буду долго. После госпиталя они с женой уехали в санаторий в Сочи. Но Олег постоянно рвался домой, словно его что-то беспокоило.

В ноябре **Дедегкаевы** приехали во Владикавказ. Пригласили гостей, чтобы отпраздновать освобождение Олега. Но случилось так, что собраться пришлось уже по-другому поводу. Пытки, пережитые в плену, сделали свое дело.

Тамара Дедегкаева, глотая слезы, вспоминает:

«Олег сидел в кресле. А я вышла на кухню. Вот я вышла на кухню, и буквально через секунду прибегает моя старшая дочь и говорит: «Папе плохо!» Я прибежала в комнату, он сидел в кресле. Он вздохнул три раза, и все. И все».

Менее чем через полгода Тамара получила второе свидетельство о смерти мужа. В лаконичном медицинском заключении записано, что внутренним органам **Олега Дедегкаева** в результате постоянных избиений причинены травмы, не совместимые с жизнью. Тамаре врачи сказали, что у Олега внутри была сплошная незаживающая рана.

Но вернемся к событиям 11 декабря. Еще ведутся переговоры об освобождении пленных. Еще есть надежда на благоприятный исход дела. В составе тревожной группы на помощь своим отправляется начальник разведки полка майор **Вячеслав Афонин**.

И по сей день судьба этого человека до конца не известна. Но тогда, в конце декабря, его жена Галина получила весьма странную телеграмму. Написанную с ошибками от имени мужа, но не самим Вячеславом.

Рассказывает **Галина Афонина**, вдова майора **Вячеслава Афонина**:

«Телеграмма пришла 27 декабря из Хасавюрта. Там написано: «Нахожусь в плену, все нормально. Приезжай, Славка». Я с этой телеграммой пошла в мединститут. А в мединституте командир секретной части эту телеграмму проверил, сказал: эта телеграмма оттуда».

Галина рвалась в Дагестан. Ее звала подпись «Славка». Так **Афонин** называл себя дома. Но когда женщине объяснили, что и чеченцы таким образом сокращают русские имена, Галина осталась дома. А в Хасавюрте ее, возможно, уже ждали похитители. Ведь сам **Афонин**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.